

Гуцалюк О. Н.

ДВОЙНОЕ ИМЯ КАК СПОСОБ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЕРОЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/22.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 59-61. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Список использованных источников

1. **Войнова Л. А.** Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Фёдоров. М.: Советская энциклопедия, 1967. 543 с.
2. Газета «День за днём». 2004. № 2. 16-22 января.
3. **Щербакова Г.** Женщины в игре без правил. Слабых несёт ветер: романы. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 327 с.

ДВОЙНОЕ ИМЯ КАК СПОСОБ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЕРОЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Гуцалюк О. Н.

Московский педагогический государственный университет

Разные наименования главного героя романа В. Набокова «Лолита» являются одним из основных способов его представления в произведении. Они служат средством внешней и внутренней характеристики героя, таким образом выделяя в нем основные личностные признаки.

Символичность и неоднозначность номинации главного героя романа «Лолита» оговаривается уже в предисловии произведения. Доктор философии Джон Рэй объясняет читателям, что это имя Гумберт Гумберт, и придумано оно автором «Исповеди Светлокожего Вдовца»: «Причудливый псевдоним <...> - это маска, сквозь которую как будто горят два гипнотических глаза...» [Виноградова, Улуханов, 1996].

Повествователь называет себя по имени, когда обращается к изображению главной страсти, движущей его жизнью, - страсти к маленьким девочкам. С этого момента героем-повествователем вводится его двойное имя Гумберт Гумберт, которое он сам себе выбрал в качестве маски. С одной стороны перед нами «исключительный красавец, со сдержанными движениями, с мягкими темными волосами и как бы пасмурной, но тем более привлекательной осанкой большого тела» [Дымарский, 2001]; «весьма утонченный мужчина» [Корман, 1992]; «застенчивый джентльмен» [Потебня, 1960]; «писатель и исследователь» [Таратута, 2001]. С другой - это «художник и сумасшедший, игралище бесконечных скорбей, с пузырьком горячего яда в корне тела» [Джейнуэй, 2001], «человек с сексуальным изыском» [Дэвидсон, 1990]. Все существование Гумберта Гумберта подчинено одной навязчивой идее, и все имена, даваемые им себе, он определяет реальностью страсти к Лолите, ситуациями, связанными с их взаимоотношениями.

«... Если фамилию «Гумберт» прочесть на французский манер, она может восприниматься как омоним слова «ombre» ('тень'). Вместе с тем она омонимична испанскому «hombre» ('человек'). Используемое удвоение - Гумберт Гумберт - может пониматься как «тень человека» (ombre of an hombre) <...>. Здесь можно усмотреть намек на мрак наваждения, в котором пребывает повествователь, он же может рассматриваться как тень автора, как марионетка» [Люксембург, Рахимкулова, 1996, с. 130].

Имя, выбранное повествователем, обусловлено собственной оценкой личности. Она двойственна, как и имя героя-повествователя. С одной стороны, «... мною выбранное имя всего лучше выражает требуемую гнусность». С другой стороны, Гумберт - имя, принадлежащее итальянскому королевскому роду. Таким образом, оно выбрано не только «для требуемого выражения гнусности», но и как выражение завышенной самооценки героя-повествователя, как способ его особого представления. Это некто особый, величественный, человек, стоящий над миром. Поэтому, когда Гумберт овладевает Лолитой, он именуется не иначе, как Гумберт *Грозный*, Гумберт *Смелый*, Гумберт *Первый*.

И в то же время он трусливое, гнусное существо, обуреваемое похотью, желаниями, в чем считает себя виноватым, терзается, но ничего с этим сделать не может. Двойственность Гумберта заключается и в противоречии между его статусом, поведением в обществе и сутью. Это и хорошо воспитанный джентльмен, и человек, терзаемый темными страстями. «Гумберт Гумберт усердно старался быть хорошим. Ей-богу старался. <...> Но как билось у бедняги сердце, когда среди невинной детской толпы он замечал ребенка-демона ...» [Долинин, 2000].

А.Б. Пеньковский, рассматривая русские персонифицированные наименования, построенные по модели «имя + отчество», выделяет особую группу антропонимов, в которых составляющие этой модели дублируются. Они называются таутонимами [Пеньковский, 2004, с. 331]. Таутонимы в русской фольклорной, а затем в литературных традициях имеют символическое значение. Подобные образования используются как знаки «чужого мира». Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что имя героя-повествователя указывает на его принадлежность к «другому миру», миру «нимфолепсии». Удвоение имени свидетельствует о непричастности его владельца к общей традиции, о нарушении общечеловеческих связей.

Нарратор употребляет номинацию *Гумберт Гумберт*, когда хочет указать на амбивалентность натуры героя. Теневая сторона его личности изображается повествователем как «сокровеннейшая подкладка», а насильственное раскрытие тайны представляется ему как «выворачивание наизнанку» и «выдиранье» из него истины. Прежде всего, использование полного имени происходит, когда речь идет о «преступной страсти» героя. Возможность раскрытия тайной сути Гумберта другими людьми является для него самым страшным. Когда Шарлотта, прочитав дневник, раскрывает его замыслы, Гумберт впервые оказывается перед судом, которого так боялся: «Моя прекрасная обвинительница остановилась, глотая свой яд и слезы. Что именно *Гумберт Гумберт* сказал - или пытался сказать - не имеет значения» [Beaujour, 1995]. В этот момент

Гумберт находится в самом ужасном для него положении, поскольку его вторая натура так неожиданно была разоблачена.

Наибольшее количество номинаций *Гумберт Гумберт* (из 17) встречается в первой части романа (12 номинаций), по ходу развития истории совращения нимфетки. Во всех ситуациях, когда герой оказывается близок к реализации своей мечты, употребляется его двойное имя. «Мускатно-сладкий эпизод» невинного совращения начинается с фразы: «*Гумберт Гумберт* перехватил яблоко» [Наринс, 1997]. Возникает намек на райское яблоко, запретный плод, ставший причиной грехопадения Адама и Евы. Гумберт ассоциирует себя с первым человеком. Не случайна в романе номинация *Адам* по отношению к Гумберту (3 раза). Но вместо Евы появляется Лилит (в иудейской традиции - первая жена Адама). Лилит - это «опаснейший демон ночи, принимающий облик обольстительной девушки» [Шохина, 2004, с. 737]. Повествователь говорит о демонической сущности обладающих «переменчивой, душеубийственной прелестью» нимфеток, сравнивает их с «маленькими смертоносными демонами». Так становится явной ассоциативная связь между Лолитой и Лилит. В 1930 г. В. Набоков написал стихотворение «Лилит», в котором дано описание юной обольстительной девочки, соблазняющей героя, набросок сюжета, позднее обработанного и в романе «Лолита» [Набоков, 2000, с. 436-438]. Итак, двуликий Гумберт Гумберт принимает плод грехопадения от Лилит, надеясь на осуществление своей мечты.

Употребление двойного имени героя указывает на амбивалентность его натуры, и в некоторых случаях это указание дополняется также номинациями по схеме «имя + эпитет»: «Вернувшись к исправлению должности, он [Максимович] повез Гумбертов, мосье и мадам, домой, и во весь путь Валерия говорила, а Гумберт *Грозный* внутренне обсуждал с Гумбертом *Кротким*, кого именно убьет *Гумберт Гумберт* - ее, или ее возлюбленного, или обоих, или никого» [Звегинцев, 1960]. Повествователь демонстрирует ироническое отношение к герою, который не может решиться, как ему поступить в фарсовой ситуации обманутого мужа. В другой ситуации употребление полного имени и в то же время его раздвоение связано с появлением реального двойника Гумберта Гумберта - Куилти. Здесь герой предполагает появление некоего Гумберта Второго, преследующего Гумберта Первого.

При описании внешности героя, его статуса в обществе происходит указание на противоречие между внешним видом и сутью Гумберта Гумберта, этим и объясняется употребление его полного двойного имени. Первый пример этого противоречия встречается в дневнике Гумберта: «Но ведь я всего лишь *Гумберт Гумберт*, долговязый, костистый, с шерстью на груди, с густыми черными бровями и странным акцентом, и целой выгребной ямой, полной гниющих чудовищ, под прикрытием медленной мальчишеской улыбки» [Лем, 2001]. Здесь рассматриваем описание, демонстрирующее двойственность героя: внешнее очарование и безобидность, прикрывающие собой чудовищную мучительную страсть, которая обозначается ярко, метафорически. Упоминание чудовищ в выгребной яме совпадает с его собственным описанием: «долговязый, костистый, с шерстью на груди, с густыми черными бровями». Созданный героем портрет впоследствии приобретает параллели с образными номинациями «*чудовище*» и «*зверь*». Такая же ассоциация возникает при описании рук Гумберта Гумберта: «Я слишком много терзал человеческих жертв моими бедными искривленными руками, чтобы гордиться ими: французские фразы, крупные костяшки дорсетского крестьянина, приплюснутые пальцы австрийского портного - вот вам Гумберт Гумберт». Внешний вид Гумберта вызывает мысль, что он «быть может, виконт», но описание его рук противоречит этому представлению: бархатный пиджак и бежевый жилет придают Гумберту облик утонченный и аристократический, а искривленные руки выдают в нем простолюдина.

Да и сам статус Гумберта Гумберта по отношению к Лолите сомнителен: как муж ее матери, он имеет право быть опекуном девочки, но опекунов не оформлено им из-за боязни, что суд будет расследовать «быт кроткого, но скользкого Гумберта». Эту неопределенность собственного положения герой обозначил определениями «новоиспеченный», «довольно темного европейского происхождения» и употреблением полного собственного имени: «Еще тревожнее всех этих домыслов и забот было то, что *Гумберт Гумберт*, новоиспеченный американский гражданин довольно темного европейского происхождения, не предпринял никаких шагов к тому, чтобы стать законным опекуном девочки».

Таким образом, удвоение номинации главного героя имеет функциональную значимость в формировании структуры его образа. Оно служит для создания «ненавистного имени для ненавистного человека» [Набоков о Набокове, 2002]. На необходимость употребления именно двойного имени героя указывают и другие двойные имена-псевдонимы, которые Гумберт Гумберт перебрал, прежде чем придумал особенно подходящее ему, - «Отто Отто», «Месмер Месмер», «Герман Герман». Номинацию *Гумберт Гумберт* можно рассматривать или как двойное имя, или как номинацию, построенную по модели «имя + фамилия». Можно предположить, что *Гумберт Гумберт* - это сочетание имени и фамилии. Эту точку зрения подтверждают и такая номинация, как *Эдгар Г. Гумберт*, где первая часть представляет собой двойное имя - *Эдгар Г.*, а вторая часть, соответственно, воспринимается как фамилия.

Список использованной литературы

1. Виноградова В. Н., Улукханов И. С. Словотворчество Владимира Набокова // Язык как творчество: сборник статей к 70-летию В. П. Григорьева. М., 1996.
2. Джейнз Э. Трагедия человека, одержимого страстью // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М., 2001.

3. **Дмитровская М. А.** От первой метафоры к последней: смысл финала романа В. Набокова «Машенька» // Текст. Интертекст. Культура: сб. докладов Межд. научн. конференции (Москва, 4-7 апреля 2001 года). М., 2001.
4. **Долинин А. А.** Истинная жизнь писателя Сирина: после «Дара» // Набоков В. В. Собр. соч. русского периода: в 5 т. СПб., 2000. Т. 5.
5. **Дымарский М. Я.** Deux ex textu, или вторичная дискурсивность набоковской модели нарратива // В. В. Набоков: pro ex contra. СПб., 2001. Т. 2.
6. **Дэвидсон Д.** Что означают метафоры // Теория метафоры. М., 1990.
7. **Звегинцев В. А.** История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960.
8. **Ильин И. П.** Имплитный автор // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины: энциклопедический справочник. М., 1996.
9. **Корман Б. О.** О целостности литературного произведения // Корман Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск, 1992.
10. **Лем С.** Лолита, или Ставрогин и Беатриче // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М., 2001.
11. **Люксембург А. М., Рахимкулова Г. Ф.** Магистр игры Вивиан Ван Бок (Игра слов в прозе Владимира Набокова в свете теории каламбура). Ростов-на-Дону, 1996.
12. **Набоков В. В.** Собр. соч. русского периода: в 5 т. СПб., 2000. Т. 5.
13. **Набоков о Набокове и прочем:** интервью, рецензии, эссе. М., 2002.
14. **Наринс Дж. В.** «Лолита»: нарративная структура и предисловие Джона Рея // В. В. Набоков: pro ex contra. СПб., 1997. Т. 2.
15. **Пеньковский А. Б.** Очерки по русской семантике. М., 2004.
16. **Потебня А.** Мысль и язык // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960.
17. **Семенова Н.** Роман В. Набокова «Лолита»: «полифония» структуры и оценок // Балтийский филологический курьер: научн. журн. / ред. кол. В. Грешных и др. Калининград, 2004.
18. **Таратута Ю. Л.** Актуализация мотива «двупространственности» и русский фон при автопереводе «Отчаяния» В. Набокова // Текст. Интертекст. Культура: сб. докладов Межд. научн. конференции (Москва, 4-7 апреля 2001 года). М., 2001.
19. **Шохина В.** Комментарии // Набоков В. Лолита. Машенька. Защита Лужина. М., 2004.
20. **Beaujour E. K.** Translation and self-translation // The Garland companion to Vladimir Nabokov / edited by Vladimir E. Aleksandrov. 1995.

СИНТАКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОЖНЫХ ТЕРМИНОВ, ВХОДЯЩИХ В СОСТАВ НЕМЕЦКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ

Данилина Ю. С.

ФГОУ ВПО «Омский государственный аграрный университет»

В данной статье анализируются сложные термины в немецкой терминологии сельскохозяйственного машиностроения, выявляются их структурные особенности и семантико-синтаксические отношения между компонентами.

По мнению Гринева-Гриневица, синтаксический способ образования является наиболее продуктивным средством пополнения терминологии. Этот способ заключается в преобразовании обычных свободных словосочетаний в сложные «эквиваленты слов» [Гринев, 2008, с. 135]. В нашем исследовании количественное соотношение однословных терминов и терминологических словосочетаний равно 117 к 384. Составные термины обладают высокой степенью информативности и способны вместить в себя содержание целого отрезка предложения. Их можно было бы заменить словосочетаниями. Однако сложное слово обладает рядом преимуществ по сравнению со словосочетанием, так как оно более компактно и дает возможность в аккумулятивном виде передать необходимую лексическую информацию.

Возможность образования новых сложных терминов в исследуемой терминологии велика, однако она регламентируется семантико-синтаксическими отношениями между компонентами. С учетом этих отношений все вновь созданные сложные цельнооформленные термины с/х машиностроения подразделяются на определительные, копулятивные и определительно-копулятивные.

При определительном сложении семантические отношения между компонентами сложных терминов объединены одним общим признаком: первый, определяющий компонент уточняет, конкретизирует значение второго, определяемого компонента. При этом пути конкретизации могут быть очень разнообразны, например: Klinkenrad - Rad einer Klinken - храповое колесо.

В отличие от определительных сложных слов в копулятивных словах устанавливается сочинительная связь между компонентами. Ср.: Hammerpresse - пресс-молот, Ringschraube - рым-болт, Ritzenwelle - вал-шестерня. Компоненты данного термина вступают в синтаксически равноправные отношения. Однако новые термины с сочинительной связью не получили в терминологии с/х машиностроения широкого распространения.

Определительно-копулятивное сложение характерно лишь для трех- и более компонентных терминов: Radial-Rillen-Kugel, Gummi-Metall-Element.

По своей структуре большинство сложных терминов с/х машиностроения являются полносложными и неполносложными двучленными соединениями (37,4%). В ходе анализа были выявлены модели двучленных